

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 165.1+159.9.01+316.6

Эпистемологические проблемы социального познания в ракурсе современной психологии*

Д. А. Хорошилов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

Для цитирования: Хорошилов Д. А. Эпистемологические проблемы социального познания в ракурсе современной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 113–125. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.201>

Анализируются основные эпистемологические проблемы социального познания (индивидуального и коллективного субъекта, соотношения микро- и макроуровней взаимодействия и коммуникации между людьми, личности и общества), для решения которых постулируются специальные механизмы (ментализация и «теория психического», категоризация и классификация, каузальная атрибуция, коллективное переживание, дискурсивное конструирование образа социального мира), снимающие условное разделение индивидуального и социального в научном дискурсе. Обобщая теоретические и эмпирические исследования познания в рамках социальной, клинической и возрастной психологии, автор формулирует допущения, позволяющие уточнить понимание «социальности» познания: отличие восприятия социальных объектов от физических, ориентация на изучение повседневной жизни и массового сознания общества, интерсубъективность и дискретность социальных представлений как символических «корпусов знаний». Стремление найти новый язык для объединения установок «индивидуализма» и «социологизма» в познании отличало ранние исторические программы социальной психологии как самостоятельной дисциплины (Л. С. Выготского и Г. Шпета). Предполагается, что психология может внести свой вклад в построение новой науки о субъективности (Р. Барт), которая зафиксировала бы двусторонность детерминации социальных и лично-смысловых отношений человека и мира, в рамках которой «частный человек» и социальное бытие, его конституирующее, являются взаимными означающими. Культурно-историческим доказательством единства индивидуального и социального в познании оказываются кардинальные трансформации современного общества, маркируемые понятием «транзитивности». Психология социального познания — это не просто частная предметная область психологии, а самостоятельная мето-

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

дология анализа социальных изменений и проблем (Г. М. Андреева). Обсуждаются результаты психологических и политологических исследований изменений механизмов социального познания в российском обществе. Размывание границ индивидуального и социального, частного и публичного интерпретируется не как забвение или исчезновение социального (по Ж. Бодрийяру), а как указание на возможность преодоления эпистемологических дихотомий социального познания.

Ключевые слова: социальная эпистемология, психология социального познания, социальное познание, механизмы социального познания, индивидуальное и социальное.

Психология в решении эпистемологических проблем социального познания

«Однажды наступит день, когда мы будем способны вывести законы социальной науки из психологии», — говорил В. Парето (а вслед за ним недавний нобелевский лауреат Р. Талер). Думается, что предсказание классика социологии не сбылось, и психология волею судеб избрала иной исторический путь: она часто апеллировала к идее социальной детерминации познания, иной раз забывая о том, что «социальное» не объяснительная категория, а проблемный концепт, который сам нуждается в объяснении: «Социальное не общая мера всех вещей, наподобие кредитной карты, принимаемой везде, а всего лишь движение, которое можно уловить только опосредованно» [1, с. 55]. Настоящая статья посвящена доказательству теоретического тезиса, согласно которому эпистемологический базис для концептуализации социального может предоставить современная психология социального познания. Однако не является ли этот замысел возвращением философского призрака психологизма как «методологии индивидуализма» в понимании общества?

Позиция *социального психологизма* [2], отстаиваемая в дальнейших рассуждениях, отличается от традиционного психологизма XX столетия (противниками которого были, в частности, Э. Гуссерль и К. Поппер) тем, что познающий субъект рассматривается уже не как абстрактный индивид, из психики которого выводятся закономерности коллективного мышления и поведения, а индивидуальность, «разомкнутая» в многообразные культурно-исторические, социальные и эстетические контексты. Р. Барт в знаменитом комментарии к фотографии мечтал «аргументировать свои настроения» и «растянуть» индивидуальность до новой, пока без названия науки о субъекте, «которая достигнет уровня всеобщности, не редуцирующего, не превращающего в ничто меня самого» [3, с. 28].

В его авторской терминологии речь идет об объединении двух эпистемологических установок, сосуществующих в познании: *Studium* (интерпретация факта с общепринятой позиции «человека культуры») и *Punctum* («укол», «то, что делает мне больно» — личное переживание, изменяющее привычный «режим чтения»). *Studium / Punctum* указывают на двусторонность детерминации социальных и личностно-смысловых отношений человека и мира, где и «частный человек», и социальное бытие, его конституирующее, являются взаимными означаемыми [4]. Может ли психология предложить концептуальный язык для обозначения единства «индивидуального» и «социального» в познании?

Для начала сформулируем теоретические допущения, касающиеся интерпретации *социальности познания* (поиска ответа на вопрос «что есть социальное в по-

знании?»), опираясь на междисциплинарные исследования проблемы в социальной, клинической и возрастной психологии [5–7].

1. Признается специфика восприятия другого человека и событий, в отличие от восприятия предметов физического мира: «Люди, события, предметы репрезентируются в качестве особого универсума, который общество осознает либо как консенсусный, либо как овеществленный универсум» [8, с. 111]. Физические объекты и социальные акторы объединяются в сложные сети взаимодействий друг с другом [1].
2. Общество трактуется как разнопорядковая система конвенциональных значений, которая подчиняется не законам физики, а здравому (житейскому) смыслу, следовательно, предмет психологии социального познания — «пристрастность отражения» повседневной жизни общества в знаково-символических формах обыденного сознания, опосредующих взаимодействия и коммуникации между людьми.
3. Социальное познание интерсубъективно и распределяется в коммуникациях, что означает «его относительность и релевантность конкретному социальному окружению тех или иных социальных групп в конкретной исторической ситуации» [9, с. 159]. При этом различные группы имеют неравноправный доступ к знанию, что становится важнейшим критерием социальной стратификации в современном обществе («обществе знаний»).
4. Психология социального познания не только изучает общение «лицом-к-лицу» и то, как якобы «отдельный» индивид (возможна ли еще такая когнитивная абстракция в современной науке?) воспринимает окружающий его мир, но и претендует на исследование социокультурных изменений и проблем, репрезентированных в массовом и общественном сознании (т.е. на макроуровне больших групп).
5. Социальное познание дискретно в том смысле, что оно наполняется конкретным содержанием в социальных представлениях, конструируемых различными сообществами и субкультурами [8]. Информационное поле представлений как символических «корпусов знаний» о повседневной жизни определяется многими факторами, в том числе историей и спецификой деятельности группы, ее положением в социальной структуре.

Резюмируя сказанное, отметим, что в современной психологии принимается максимально широкая трактовка социального познания, что позволяет нам рассмотреть его эпистемологические проблемы («дилеммы») в психологическом ракурсе (дополнительно к философскому и социологическому). Права Г. М. Андреева, называя психологию социального познания не просто разделом «внутри» социальной психологии, а методологией анализа общества [10]. Остановимся на эпистемологических проблемах социального познания подробнее.

1. Проблема коллективного субъекта познания. Удивительно, но до настоящего момента остается нерешенным ключевой для психологии вопрос — *кто* именно является *субъектом* познания? В наши дни, когда биологический редукционизм «переживает свой новый Ренессанс на фоне успехов нейронаук и технологий нейровизуализации» [11, с. 19], социальная психология оказывается в непрямом методологическом положении, ибо она фокусируется на *больших социальных*

группах как коллективных субъектах познания [12], к которым едва ли экспериментально применимы передовые методы исследования мозга. Т. В. Черниговская обескураживает своего читателя именно признанием нелокализуемости субъекта в науке о мозге: «Физические события отражаются в специфической нейронной активности головного мозга, но *кто их интерпретирует?*» [13, с. 48].

Ввиду обозначенного методологического затруднения две главенствующие сегодня парадигмы в психологии — *нейрокогнитивная* и *конструкционистская* — обнаруживают тенденции редукции социального познания либо к поиску его нейрональных коррелятов, либо к дискурсивным практикам производства индивидов, а познающий субъект в любом случае остается «социальной абстракцией», если воспользоваться словами И. Т. Касавина [14, с. 364]. Очевидно, что «смерть субъекта» в нейронах или дискурсах — это запоздалое выражение умонастроения постмодернизма, который закончился в искусстве (усилиями кураторов выставки 2012 г. «Постмодернизм: стиль и свержение» в лондонском музее Виктории и Альберта), а в философии и психологии постепенно и неуклонно сменяется *метамодернизмом* [15]. Метамодернизм задает развитие такой инновационной области, как **психология повседневности**, возвращающей субъекта познания через анализ практик его индивидуализации и жизнетворчества в различных контекстах повседневной жизни, которые становятся способами временного установления порядка в непредсказуемости и неустойчивости «после постмодернизма».

В. А. Лекторский пишет о диалектике индивидуального и коллективного субъекта: «Коллективный субъект не существует вне системы взаимодействующих индивидов, но он существует в известном смысле вне каждого отдельного индивидуального субъекта» [16, с. 118]. В отечественной психологии социального познания диалектическое соотношение уточняется Г. М. Андреевой с помощью категории образа социального мира как «активно-пристрастного отражения» повседневности. Образ мира конструируется в межличностном общении и деятельности и представляет собой «совместное» знание людей об обществе. Поскольку основная функция образа социального мира — ориентация человека в ситуации нестабильности и неопределенности, это открывает перспективы для включения данного понятия в современные подходы метамодернизма и психологии повседневности, которые акцентируют именно изменчивость и пластичность социальной реальности.

2. Проблема микро- и макроуровней социального познания. Из философской проблемы коллективного субъекта закономерно происходит новый вопрос о соотношении психологии малых и больших групп, микро- и макроуровней социального познания, т.е. взаимообусловленности межличностных, институциональных и культурных отношений. Эти уровни детерминируют друг друга, что подчеркивается в социологической концепции *структуриации* Э. Гидденса. Структуриация — это процесс формирования социального мира через наши собственные действия и вместе с тем их изменение благодаря обществу и культуре [17]. В социальной психологии для снятия дихотомии микро / макро апеллируют к объяснительным категориям социального представления, идентичности и дискурса [18].

В социальной нейронауке принимается допущение о множественной, неадаптивной и взаимной детерминации различных уровней познания [19], что нашло наиболее четкое выражение в *историко-эволюционном подходе* к самоорганизации сообществ, который разрабатывается отечественными авторами [20]: организм

и сообщество — живые системы различного порядка сложности, следовательно, они не могут быть сведены одна к другой; постепенный переход от анонимных к персонализированным сообществам (реализуемый в принятии неопределенности и ментальной уникальности другого человека как базовых предпосылок взаимодействия) является социальным фактором биологической эволюции. Микро- и макроуровни познания следует рассматривать в единстве — это подтверждается междисциплинарными исследованиями (социологии, психофизиологии и биологии).

3. Проблема личности и общества, индивидуального и социального. Одна из инвариантных эпистемологических проблем социальной психологии XIX–XXI столетий — соотношение личности и общества — является решающей для определения ее дисциплинарного статуса. Теоретическая категория, устанавливающая взаимосвязь между индивидуальным и социальным, — это *социальная идентичность* (А. Тэшфел, Дж. Тернер, М. Хогг), которая раскрывает динамические процессы категоризации себя и окружения в изменяющемся контексте межгрупповых отношений, а основной функцией идентичности становится совладание с неопределенностью через интернализацию групповых ценностей и моделей поведения. В конструкционистских концепциях нарративной и диалогической психологии идентичность производна от языка и взаимодействий, в которых презентуется «репутация» или «моральная карьера» человека партнерам по общению [5]. Многообразие пониманий идентичности в социальных науках и психологии оборачивается сомнениями в эвристичности этого понятия, все чаще заменяемого более широкими понятиями субъекта и субъективности как дискурсивной формы артикуляции неопределенности в различных исторических контекстах [21]. Тем самым личность рассматривается как поле социальных отношений, конфигурируемое языковыми практиками.

Для решения обозначенных эпистемологических проблем (поиска научного языка, который позволил бы помыслить не просто «взаимовлияние факторов», а «сущностное» единство индивидуального и коллективного субъекта, микро- и макроуровней познания, личности и общества) психология постулирует особые механизмы социального познания, призванные ответить на вопрос о том, как «кристаллизуется» интересубъективное знание о социальных и культурных реалиях в повседневной жизни.

Определение механизмов, «работающих», скажем так, «в обе стороны» (личности и общества), стало первоочередной задачей исторических программ социальной психологии как самостоятельной науки (вспомним имена Л. С. Выготского и Г. Шпета, исходивших из различных интеллектуальных традиций — марксизма, феноменологии и герменевтики). В качестве предмета социальной («массовой») психологии Выготский называет социальное содержание психических процессов и социальных форм поведения [22], фиксируемое, по Шпету, с помощью герменевтического анализа *типических коллективных переживаний* в языке: язык переживается как социальное явление данным народом в данное время [23]. Коллективное переживание и дискурсивное конструирование признаются сегодня одними из основных механизмов социального познания, см. об этом ниже.

Таким образом, психологи и философы, вышедшие из «Серебряного века» русской интеллектуальной культуры начала XX столетия, были весьма успешны в поиске нового языка социального познания, который используется в научных исследованиях и сегодня. Определение механизмов познания, действующих

одновременно на индивидуальном и социальном (т. е. групповом) уровнях анализа, дает возможность преодолеть устоявшиеся между ними абстрактные смысловые разрывы. Уже сами дихотомические формулировки эпистемологических проблем социального познания, приведенные нами ранее, указывают на известное расхождение установок «индивидуализма» и «социологизма».

Механизмы познания социальных явлений

1. Социальное познание — это *ментализация*, воображаемый процесс фокусировки на своих и чужих эмоциональных и ментальных состояниях, понимания намерений иного человека, который позволяет людям прогнозировать поведение друг друга и объединяться в сообщества [24]. В культурно-исторической и клинической парадигме Л. С. Выготского ментализация рассматривается как высшая психическая функция, представляющая собой аффективно-когнитивный стиль репрезентации себя и Другого, формируемый на ранних этапах онтогенеза в детско-родительских отношениях [6; 25]. Результатом ментализации является построение «модели психического» (theory of mind), благодаря которой ребенок превращается в активного субъекта социальной жизни [7].

По-видимому, в социальной психологии ментализация вытесняет «классические» механизмы межличностного познания, к которым причисляют процессы идентификации, эмпатии и рефлексии. Конкуренцию ей составляет «осознанность» [26], перекидывающая мост от западной психологии к философии буддизма, в котором всеохватывающий контроль над психофизическими состояниями рассматривается как путь к просветлению [27]. Alter ego ментализации — это не только другой человек, ибо его место может занимать и общество в целом как трансцендентная реальность, которой приписываются антропоморфные черты (общество — «коллективный человек», например каббалистический Адам Кадмон).

2. Социальное познание — это *категоризация и классификация* социальных явлений и объектов. Теоретическое допущение о категориальности восприятия введено в научный обиход Дж. Брунером и переосмыслено в социальной психологии как основной механизм не только межличностного, но и прежде всего межгруппового восприятия (в теории социальной идентичности А. Тэшфела). Процесс распределения событий и объектов по группам — категоризация — оказывается «необходим человеку для систематизации своего социального опыта и одновременно для ориентации в своем социальном окружении» [28, с. 15]. В современных исследованиях большое значение придается категоризации групп как реально действующих лиц (коллективных акторов) на политической сцене [29].

Категории распределяются по схемам. В развитие классических идей Ф. Барлетта и У. Найссера современная когнитивная антропология вводит понятие коллективных схем как системы психических установок, усвоенных «данной общественной средой благодаря приобретенному опыту» [30, с. 140]. Коллективные схемы связывают индивидуальные и социальные процессы, заставляя человека интерпретировать мир через призму заданных категориальных значений, т. е. структурировать поступающую информацию из внешнего мира с точки зрения ее значимости для осуществления текущей деятельности.

3. Социальное познание — это *каузальная атрибуция*, т.е. обыденное причинное объяснение социальных событий. Изначально понятие атрибуции относилось к причинно-следственным отношениям, репрезентированным в сознании обычного человека. Начиная с Ф.Хайдера и заканчивая концепцией атрибуции как дискурсивного действия (согласно Дж.Поттеру и Д.Эдвардсу), психологи не жалели интеллектуальных усилий, чтобы преодолеть абстрактность ранних когнитивных моделей (Г.Келли, Б.Вайнер) и научиться исследовать атрибутивные процессы в социальном контексте межгрупповых отношений (М.Хьюстон, Й.Ясперс). Каузальная атрибуция стала рассматриваться как механизм не межличностного восприятия, а межгрупповой дифференциации — оценочного сравнения, т.е. установления границ разотождествления между группами [31]. Атрибуция постепенно «перешла» с индивидуального уровня объяснения на межгрупповую.

4. Социальное познание — это *переживание*. В психологии социального познания знаменитый призыв С.Фиск и Ш.Тейлор «выйти за пределы когниций» [32] реализуется в теориях социальных, коллективных и межгрупповых эмоций. Отечественная психология находится здесь в языковом выигрыше, используя понятие «коллективного переживания», которое определяется как когнитивно-аффективное отношение к социальным явлениям и выступает основной единицей идентификации личности и группы [33]. Можно сказать, что основная психологическая функция коллективных переживаний — это *катексис*, т.е. эмоциональная инвестиция в социальные отношения между людьми, в которых они могут презентовать собственные идентичности [34].

5. Социальное познание — это процесс *конструирования образа социального мира*, который складывается в языковом общении (дискурсе) и опосредует деятельность людей в реальном мире [5]. Образ мира в концепции Г.М.Андреевой — конечный результат всей аффективно-когнитивной работы по упорядочиванию и выстраиванию информационного потока социальных явлений и событий. Такая логика рассуждений распутывает «гордиев узел» классической социологической теории: каким образом субъективные значения *становятся* объективной фактичностью [35, с. 36].

Г.М.Андреева, объединяющая идеи деятельностного подхода А.Н.Леонтьева и социального конструкционизма К.Гергена, анализирует «вклад», вносимый каждым из механизмов познания в построение образа мира как субъективно-смысловой реальности, которая предстает перед социальными акторами в виде сконструированной ими же *объективной фактичности*. Образ социального мира по определению интерсубъективен и конвенционален — он в равной степени принадлежит и социальной группе, и отдельным индивидам, ее составляющим. Этим принципиально важным теоретическим допущением снимается дихотомия «индивидуального» и «социального» в познании.

Трансформации механизмов социального познания в современном обществе

В отечественной психологии социального познания принимается существенное дополнение, отличающее ее от английской традиции *social cognition*, анализирующей взаимосвязь социального мозга, познания и поведения [32]: изучение

контекста социальных изменений и проблем, для обозначения которого в современной психологии все чаще говорят о *транзитивном обществе* [4]. Транзитивное общество характеризуется кардинальными трансформациями институтов, увеличением социальной нестабильности и неопределенности, «медиатизацией» общения и социализации. Попробуем обобщить результаты психологических и политологических исследований, посвященных изменениям механизмов социального познания в российском обществе.

Во-первых, в значительной степени изменяется структура ментализации как высшей психической функции. Под влиянием «цифровых» средств коммуникации возрастает риск развития социальной ангедонии [6] и даже регресса к примитивным формам психического функционирования, утрачивающим направленность на понимание себя и другого [25]. Но вместе с тем возникает качественно новый вид ментализации, обозначаемый как «сетевое мышление», который предоставляет возможности для снятия стратификационных границ и выстраивания коммуникации на основе эгалитарности и диалога, а не «вертикали иерархии и власти» [36]. Влияние информационных технологий на базовый механизм социального познания требует дальнейших исследований.

Во-вторых, происходит радикальная ломка категорий социального познания во всех институциональных сферах, претерпевающих значительные трансформации с уходящим в бесконечность горизонтом их реформирования. Е. М. Шульман утверждает: «Разрушение горизонтальных структур и публичных институтов — это древесный жучок, съедающий перекрытия в доме» [37, с.168–169]. Обратная сторона процесса замедления и нарушения работы институтов — стихийная категоризация локальных сообществ, вынужденных брать на себя медиаторские функции в разрешении социальных проблем (об этом фильмы А. Звягинцева «Не любовь» и Б. Хлебникова «Аритмия»).

В-третьих, увеличение социальной неопределенности приводит к компенсаторной стратегии когнитивного упорядочивания информационного потока, который выражается в конструировании «упрощенных» каузальных атрибуций. Ярким примером может служить теория заговора как конспирологический миф, объясняющий любые события «долларом», «нефтью», «Госдепом» или «Путиным». А. Г. Баунов сравнивает эти категории обыденного объяснения с элементами древней физики, образующими чуть ли не любое явление в мире: древнейшее «никуда не делось», а «спустилось из кабинетов ученых на лавочку у подъезда, вернее, на интернет-лавочку у интернет-подъезда» [38, с.18]. Конструирование атрибуций сводится не к языку, а к минимальной визуальной семиотике — указанию на фотографию или видео без разъяснения (основной принцип «Инстаграма»).

В-четвертых, некоторые авторы полагают, что в российском обществе происходит архаизация коллективных переживаний, выражаемая в аффективных формах доправового взаимодействия и спонтанных вспышках агрессии: кровавое свидетельство тому — расстрел семьи в станице Куцевской [39]. Однако имеется и противоположное мнение, согласно которому архаизация отражает имитационную позицию радикального консервативного меньшинства [37], к тому же она не объясняет неожиданные для социологов гражданские движения в России 2010-х годов, инициированные прежде всего пользователями социальных сетей и интернет-форумов.

В-пятых, как видно из предыдущих рассуждений, механизмы социального познания «работают» в различных направлениях, вследствие чего происходит фрагментация образа мира, распадающегося на множество отдельных «элементов». Домашний арест режиссера К. Серебренникова и одновременно скандальная постановка балета «Нуреев» в Большом театре, на премьеру которой собрались «бывшие» политические покровители, трактуется как яркое свидетельство рассогласованности и противоречивости образа социального мира, конструируемого в российском медиадискурсе [40].

Какие последствия имеют кардинальные трансформации механизмов социального познания для дальнейшего обсуждения его эпистемологических проблем? В социальном познании современного общества условно «индивидуальное» и «социальное», «частное» и «публичное» измерения его анализа становятся в какой-то момент просто неразличимыми. Неразличимость может быть интерпретирована не как исчезновение социального (согласно Ж. Бодрийяру), а как культурно-историческое доказательство интуиций Л. С. Выготского и Г. Шпета о невозможности установления границ между индивидуальным и коллективным субъектом познания, микро- и макроструктурой взаимодействий, личностью и обществом — их следует помыслить заново в сущностном первоединстве.

А язык подобного рода научного мышления предлагается в психологии социального познания. Психологическая герменевтика социального в ракурсе обозначенных механизмов познания (ментализации, категоризации, атрибуции, переживания, конструирования образа мира), которые интегрируют индивидуальный и групповой уровни объяснения социальных явлений, дает возможность, метафорически говоря, «воскресить» субъекта после «смерти» в науке и искусстве постмодернизма. При этом он не будет редуцирован, как того опасался Барт, ни к дурной бесконечности собственных мыслей и настроений, ни к обезличивающим понятийным типизациям, а раскроется в некоей целостности *Studium / Punctum* так же, как фотография матери Барта в зимнем саду навела его на таинственное переживание: «Она была подлинно сущностной, она утопически закладывала для меня основания невозможной науки об уникальном существе» [3, с. 90].

Литература

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014. 384 с.
2. Сорина Г. В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект // Альманах «Пространство и время». 2013. Т. 3. № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430473> (дата обращения: 11.02.2018).
3. Барт Р. *Camera Lucida*: комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 192 с.
4. Марцинковская Т. Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016. 271 с.
5. Андреева Г. М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. 160 с.
6. Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе / под ред. А. Б. Холмогоровой. М.: НЕОЛИТ, 2016. 312 с.
7. Сергиенко Е. А. Модель психического и социального познание // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1163-sergienko42.html> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Московиси С. Социальное представление: исторический взгляд // Зарубежная социальная психология: хрестоматия. М.: МПСИ, Воронеж: НПО МОДЭК, 2009. С. 315–366.

9. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
10. Андреева Г. М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 39–49.
11. Холмогорова А. Б., Рычкова О. В. 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 4. С. 8–31.
12. Журавлев А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
13. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
14. Касавин И. Т. Социальность познания // Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2011. С. 362–364.
15. Гусельцева М. С. Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН, 2018. С. 628–670.
16. Теория познания: социально-культурная природа познания / под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991. 478 с.
17. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
18. Хорошилов Д. А. Проблема микро- и макроуровней социального познания: настоящее и будущее // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН, 2018. С. 583–602.
19. Saccorpo J. T., Berntson G. G., Decety J. A history of social neuroscience // Handbook of the history of social psychology / ed. by A. W. Kruglanski, W. Stroebe. New York: Psychology Press, 2012. P. 123–136.
20. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. От организма как целого к персонифицированному сообществу: трансформация самоорганизации в социобиологии // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1304-asmolov48.html> (дата обращения: 11.02.2018).
21. Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). <http://www.nlobooks.ru/node/2292> (дата обращения: 11.02.2018).
22. Варшава Б. Е., Выготский Л. С. Психологический словарь. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. 206 с.
23. Шпет Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 601 с.
24. Бейтман Э., Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 248 с.
25. Соколова Е. Т. Нарушения ментализации в клинической и культурной парадигме Л. С. Выготского // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1501-sokolova56.html> (дата обращения: 11.02.2018).
26. Лангер Э. Осознанность. М.: Эксмо, 2017. 240 с.
27. Торчинов Е. Введение в буддизм. М.: Academia, 2013. 432 с.
28. Стефаненко Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 11–29.
29. Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-традиция, 2015. 328 с.
30. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012. 584 с.
31. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
32. Fiske S. T., Taylor S. E. Social cognition: from brains to culture. London: Sage, 2013. 592 p.
33. Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т. Г. Стефаненко и С. А. Липатова. М.: Смысл, 2015. 240 с.
34. Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: НЛО, 2015. 432 с.
35. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995. 323 с.
36. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
37. Шульман Е. М. Практическая политология: пособие по контакту с реальностью. М.: Издательские решения, 2015. 192 с.
38. Баунов А. Г. Миф тесен. М.: Время, 2015. 448 с.

39. Николаева У.Г. Прозит ли России новое Средневековье // Независимая газета, 2016. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html (дата обращения: 11.09.2017).

40. Яффа Д. Взлет и падение самого знаменитого российского театрального режиссера // The New Yorker, 2017. URL: <https://inosmi.ru/social/20171213/240990238.html> (дата обращения: 11.02.2018).

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2018 г.,
принята к публикации 5 марта 2018 г.

Контактная информация:

Хорошилов Дмитрий Александрович — канд. психол. наук; ksr@psy.msu.ru

Epistemological problems of social cognition in the perspective of modern psychology

Khoroshilov D. A.

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
9, 11, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Khoroshilov D. A. Epistemological problems of social cognition in the perspective of modern psychology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, vol. 8, issue 2, pp. 113–125. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.201>

The article discusses the main epistemological problems of social cognition (individual and collective subject, correlation of micro and macro levels of interaction and communication between the individual and society), that could be solved by the elimination of the conditional distinguish of the individual and social in scientific discourse with the emphasizing special mechanisms (mentalization and «theory of mind», categorization and classification, causal attribution, collective experience, discursive construction of the social world). The theoretical and empirical studies of cognition by social, clinical and developmental psychology make it possible to clarify the understanding of the «sociality» of cognition. The aspiration to find a new language for combining the attitudes of «individualism» and «sociologism» in cognition was a distinguishing feature of the early historical programs of social psychology as an independent discipline (L. S. Vygotsky and G. Shpet). It is assumed that psychology can contribute to the construction of a new science of subjectivity (R. Barthes), that should show the interdependence of relationships between man and the world. Cultural and historical evidence of the unity of the individual and social in cognition is the cardinal transformations of modern society, marked by the concept of «transitivity». The psychology of social cognition is not just a private subject area of psychology, but an independent methodology for analyzing social changes and problems (G. M. Andreeva). It discusses the results of psychological and political studies of the changes in the mechanisms of social cognition in Russian society. Blurring the boundaries of the individual and social, private and public is interpreted not as a disappearance of the social (according to J. Baudrillard), but as a possibility of overcoming epistemological dichotomies of social cognition.

Keywords: social epistemology, the psychology of social cognition, social cognition, mechanisms of social cognition, individual and social.

References

1. Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network theory]. Moscow: VSHEH, 2014, 384 p. (In Russian)
2. Sorina G. V. Metodologiya logiko-kul'turnoi dominanty: psikhologizm, antipsikhologizm, sub'ekt [Methodology of logical-cultural dominant: psychologism, antipsychologism, subject]. *Al'manakh «Pros-*

transtvo i vremia» [Almanac "Space and time"], 2013, vol.3, no. 2. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430473> (accessed: 11.02.2018). (In Russian)

3. Bart R. *Camera Lucida: kommentarii k fotografii* [*Camera Lucida: reflections on photography*]. Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 192 p. (In Russian)

4. Marcinkovskaya T.D. *Kul'tura i subkul'tura v prostranstve psikhologicheskogo khronotopa* [*Culture and subculture in space of psychological chronotope*]. Moscow, Smysl Publ., 2016. 271 p. (In Russian)

5. Andreeva G.M. *Sotsial'naiia psikhologiiia segodnia: poiski i razmyshleniia* [*Social psychology today: search for reflections*]. Moscow, NOU VPO MPSI, 2009, 160 p. (In Russian)

6. *Sotsial'noe poznanie kak vysshaia psikhicheskaia funktsiia i ego razvitie v ontogeneze* [*Social cognition as higher mental function and its development in ontogenesis*]. Ed. by A.B. Holmogorov. Moscow, NEOLIT, 2016, 312 p. (In Russian)

7. Sergienko E. A. Model' psikhicheskogo i sotsial'noe poznanie [Theory of mind and social cognition]. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, vol. 8, no. 42. Available at: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1163-sergienko42.html> (accessed: 10.09.2017). (In Russian)

8. Moskovski S. Sotsial'noe predstavlenie: istoricheskii vzgliad [Social representation: historical view]. *Zarubezhnaia sotsial'naiia psikhologiiia: khrestomatiia* [*Foreign social psychology: chrestomathy*]. Moscow, MPSI, Voronezh, NPO MODEHK, 2009, pp. 315–366. (In Russian)

9. Shiuts A. *Izbrannoe: mir, svetiashchiisya smyslom* [*Selected works: the world glowing sense*]. Moscow, ROSSPEHN, 2004, 1056 p. (In Russian)

10. Andreeva G.M. Sotsial'noe poznanie i sotsial'nye problemy [Social cognition and social problems]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [*National Psychological Journal*], 2013, no. 1 (9), pp. 39–49. (In Russian)

11. Holmogorova A.B., Rychkova O.V. 40 let biopsikhosotsial'noi modeli: chto novogo? [40 years of bio-psycho-social model: what's new?]. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2017, vol. 8, no. 4, pp. 8–31. (In Russian)

12. Zhuravlev A.L., Emel'yanova T.P. Psikhologiiia bol'shikh sotsial'nykh grupp kak kollektivnykh sub'ektov [Psychology of large social groups as the collective subjects]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2009, vol. 30, no. 3, pp. 5–15. (In Russian)

13. Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaia ulybka kota Shredingera: iazyk i soznanie* [*Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and mind*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013, 448 p. (In Russian)

14. Kasavin I. T. Sotsial'nost' poznaniia [Social in cognition]. *Entsiklopedicheskii slovar' po epistemologii*. Ed. by I. T. Kasavina. Moscow, Al'fa-M, 2011, pp. 362–364. (In Russian)

15. Gusel'ceva M.S. Perspektivy razvitiia psikhologicheskogo znaniia: blesk i nishcheta prognozov [Prospects for the development of psychological knowledge: the brilliance and poverty of forecasts]. *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoiianie i perspektivy razvitiia* [*Psychological knowledge: current state and development prospects*]. Ed. by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow, IP RAN, 2018, pp. 628–670. (In Russian)

16. *Teoriia poznaniia: sotsial'no-kul'turnaia priroda poznaniia* [*Theory of cognition: social-cultural nature of cognition*]. Ed. by V.A. Lektorskii, T.I. Oizerman. Moscow, Mysl' Publ., 1991, 478 p. (In Russian)

17. Giddens E. *Sociologiya*. [Sociology]. Moscow: Editorial URSS, 2005, 632 p. (In Russian)

18. Khoroshilov D.A. Problema mikro- i makrourovnei sotsial'nogo poznaniia: nastoiashchee i budushchee [The micro-macro problem in social cognition: past and future]. *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoiianie i perspektivy razvitiia* [*Psychological knowledge: current state and development prospects*]. Ed. by A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow, IP RAN, 2018, pp. 583–602. (In Russian)

19. Cacioppo J. T., Berntson G. G., Decety J. A history of social neuroscience. *Handbook of the history of social psychology*. Ed. by A. W. Kruglanski, W. Stroebe. New York: Psychology Press, 2012, pp. 123–136.

20. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. Ot organizma kak tselogo k personifitsirovanomu soobshchestvu: transformatsiia samoorganizatsii v sotsiobiologii [From organism as a whole to personalized community: transformation of self-organization in sociobiology]. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2016, vol. 9, no. 48. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1304-asmolov48.html> (accessed: 11.02.2018). (In Russian)

21. Zaretskii Yu.P. Istoriia sub'ektivnosti i istoriia avtobiografii: vazhnye obnovleniia [History of subjectivity and history of autobiography: important renewals]. *Neprikosnovennyi zapas* [*Emergency Store*], 2012, no. 3 (83). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/2292> (accessed: 11.02.2018). (In Russian)

22. Varshava B.E., Vygotskii L.S. *Psikhologicheskii slovar'* [*Dictionary of psychology*]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1931, 206 p. (In Russian)

23. Shpet G. *Sochineniia* [*Selected works*]. Moscow, Pravda Publ., 1989, 601 p. (In Russian)

24. Beitman E., Fonagi P. *Lechenie pograničnogo rasstroistva lichnosti s oporoi na mentalizatsiiu* [Mentalization-based treatment for borderline personality disorder]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniĭ Publ., 2014, 248 p. (In Russian)
25. Sokolova E. T. Narusheniia mentalizatsii v klinicheskoi i kul'turnoi paradigme L. S. Vygotskogo [Mentalization disorders in clinical and cultural Vygotsky's paradigm]. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2017, vol. 10, no. 56. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1501-sokolova56.html> (accessed: 11.02.2018). (In Russian)
26. Langer E. H. *Osoznannost'* [Mindfulness]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 240 p. (In Russian)
27. Torchinov E. *Vvedenie v buddizm* [Introduction to Buddhism]. Moscow, Academia, 2013, 432 p. (In Russian)
28. Stefanenko T. G. Izuchenie identifikatsionnykh protsessov v psikhologii i smezhnykh naukakh [The study of identification processes in psychology and related sciences]. *Transformatsiia identifikatsionnykh struktur v sovremennoi Rossii* [Transformation of identification structures in modern Russia]. Ed. by T. G. Stefanenko. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001, pp. 11–29. (In Russian)
29. *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshchestve: vzaimovliianiia i rekonfiguratsii* [The commonsense and scientific knowledge about society]. Eds I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katernii. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2015, 328 p. (In Russian)
30. Deskola F. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Beyond nature and culture]. Moscow, NLO Publ., 2012, 584 p. (In Russian)
31. Stefanenko T. G. Etnicheskaia identichnost': ot etnologii k sotsial'noi psikhologii [Ethnic identity: from ethnology to social psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2009, no. 2, pp. 3–17. (In Russian)
32. Fiske S. T., Taylor S. E. *Social cognition: from brains to culture*. London, Sage, 2013. 592 p.
33. *Kollektivnye perezhivaniia sotsial'nykh problem* [Collective experiences of social problems]. Eds T. G. Stefanenko, S. A. Lipatov. Moscow, Smysl Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
34. Konnell R. *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and power: society, the person, and sexual politics]. Moscow, NLO Publ., 2015, 432 p. (In Russian)
35. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti: traktat po sotsiologii znaniia* [The Social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Medum Publ., 1995, 323 p. (In Russian)
36. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation in Russia: competence and safety]. Moscow, Smysl Publ., 2017, 375 p. (In Russian)
37. Shul'man E. M. *Prakticheskaia politologiya: posobie po kontaktu s real'nost'iu* [Practical politology]. Moscow, Izdatel'skie resheniia Publ., 2015, 192 p. (In Russian)
38. Baunov A. G. *Mif tesen* [Myth is small]. Moscow, Vremya Publ., 2015, 448 p. (In Russian)
39. Nikolaeva U. G. Grozit li Rossii novoe Srednevekov'e [Threat of new middle ages for Russia]. *Nezavisimaia gazeta*, 2016. Available at: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html (accessed: 11.09.2017). (In Russian)
40. Yaffa D. Vzlet i padenie samogo znamenitogo rossiiskogo teatral'nogo rezhissera [The rise and fall of Russia's most acclaimed theatre director]. *The New Yorker*, 2017. Available at: <https://inosmi.ru/social/20171213/240990238.html> (accessed: 11.02.2018).

Author's information:

Dmitry A. Khoroshilov — PhD; kcp@psy.msu.ru